

хотелось бы ввести в обиход ежегодника иллюстрирование статей картами и схемами — сейчас они встречаются лишь как редчайшее исключение, а многие сюжеты заметно выиграли бы, получив «картографический аккомпанемент».

В. В. Покшишевский

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Ю. П. Аверкиева. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979, 288 стр.

Идейные течения в американской этнографии — или антропологии, как ее принято называть в США — уже давно изучаются в советской научной литературе. Наибольшее внимание уделялось в ней, разумеется, Л. Г. Моргану, книгу которого, как известно, широко использовал Ф. Энгельс в классическом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Но имеется немало работ и о позднейших американских теоретических школах — об этнопсихологическом направлении, о культурном релятивизме, о неэволюционистских исследованиях и т. д. По этим вопросам писали М. О. Косвен, Ю. И. Семенов, Н. Б. Тер-Акопян, С. Н. Артановский, В. М. Бахта, И. С. Кон и другие ученые. Множество статей и докладов на эти темы принадлежит Ю. П. Аверкиевой, знатоку американских индейцев, зачинателю исследования теории американской этнографической науки. Характеристика и анализ основных течений американской этнографии были даны недавно С. А. Токаревым в рамках общего исторического обзора зарубежной этнографии¹. Но специальная монография, охватывающая всю историю американской этнографической науки, появляется в нашей литературе впервые. Книга Ю. П. Аверкиевой — плод многолетнего труда, результат разностороннего изучения американской антропологии. В этой работе дается обзор развития американской этнографической науки от Моргана до наших дней. При этом автор на протяжении всей книги с марксистско-ленинских позиций подвергает глубокой научной критике воззрения американских антропологов.

Во введении Ю. П. Аверкиева проводит терминологический анализ запутанного вопроса о названии (соответственно о предмете) анализируемой науки и приходит к выводу, что принятому у нас термину «этнография» наиболее соответствует американский термин «культурная антропология», который после войны понимается в смысле, близком к английскому «социальная антропология». Первый раздел посвящен эволюционизму, господствовавшему в этой отрасли науки во второй половине XIX в. Значительный его период и сложилась собственно американская (как и европейская) этнография. Идейные истоки эволюционизма автор справедливо выводит из европейского просвещения XVIII в. с его теорией прогресса и убеждением в единстве рода человеческого, особенно из работ шотландских просветителей. Классификации индийских языков (и племен по этим языкам) положил начало ученик европейских просветителей, известный государственный и общественный деятель США А. Галлатин. Несомненно воздействие Ч. Дарвина на эволюционную школу. В конце XIX в. на нее, как и на всю общественную мысль Америки, большое влияние оказал Р. Спенсер.

Особая глава отведена в этом разделе Л. Г. Моргану. Отмечен руссоистский дух его первой книги «Лига ирокезов», в которой идеализируется индейское общество, и воздействие на него шотландских просветителей, особенно историка Робертсона, изучавшего в XVIII в. американских индейцев и впервые предложившего периодизацию истории человечества по стадиям дикости, варварства и цивилизации. Главным источником служили Моргану, разумеется, полевые исследования индийских племен. Учение Моргана подвергнуто в главе основательному разбору, причем Ю. П. Аверкиева особо подчеркивает концепцию первичности материнского рода.

Последователям Моргана, признанного основателя американской этнографии, посвящена последняя глава этого раздела. Как и Морган, они вели обширную полевую работу среди североамериканских индейцев и исследовали также их прошлое с помощью археологии, архивных документов, воспоминаний и т. д., т. е. положили начало этноистории (термин этот возник уже в XX в.). Тогда же собственно зародилось то направление, которое гораздо позже стали называть экономической антропологией. Автор связывает его с именем незаслуженно забытого Дж. Пауэлла. Видный эволюционист рубежа XIX и XX вв. О. Т. Мэсон ввел в науку широко используемое ныне понятие культурного ареала (culture area). Последователи эволюционизма, достигшего вершины

¹ С. А. Токарев. История зарубежной этнографии. М., 1978. См. также рецензию М. А. Членова на эту книгу. — «Сов. этнография», 1980, № 2, с. 159—164.

в творчестве Моргана, не избежали деградации, свойственной эпигонам. Некоторые из них проповедовали англо-саксонский расизм, весьма influential в литературной и общественной жизни США конца XIX — начала XX в. Вообще же автор отмечает, что эволюционисты поставили американскую этнографию на профессиональную основу. Ю. П. Аверкиева считает материалистическую тенденцию преобладающей в их теориях и даже полагает, что они были более зрелыми мыслителями, чем американские этнографы XX в.

Следующий, самый большой раздел уделен исторической школе, преобладание которой в американской этнографии автор датирует 1910—1940 гг. Возникновение этой школы Ю. П. Аверкиева также связывает с философскими течениями, характерными для рубежа веков, особенно с неопозитивизмом, и с европейскими этнографическими течениями этого периода. Основатель исторической школы Ф. Боас (иногда эту школу называют «школой Боаса»), иммигрант из Германии, «сыграл роль моста», по меткому замечанию Ю. П. Аверкиевой, между европейской и американской этнографией. В книге прослеживается развитие теоретической мысли Боаса, тесно связанное с его практическими исследованиями. Изучение фактов должно предшествовать теоретическим обобщениям, считал он. Наибольшее значение он придавал исследованию культуры отдельных народов в ее историческом развитии. В таком смысле и следует понимать термин «историческая школа». Эта школа во главе с Боасом выступила с критикой эволюционизма, противопоставив ему релятивизм. Она подчеркивала роль культурных заимствований. На взглядах Боаса и его последователей сказалось, как отмечено в книге, открытие в конце XIX в. множества неизвестных до тех пор культур. Ю. П. Аверкиева указывает, что Боас воевал главным образом «против плоского эволюционизма XIX в.»

В монографии освещается систематическая борьба Боаса против расизма как в США, так и во всем мире, показан большой резонанс, который вызвали выступления этого маститого ученого. Хотя Ю. П. Аверкиева критикует Боаса сурово и нелицеприятно (несмотря на то, что сама была некоторое время его ученицей), со страниц посвященной ему главы встает образ пытливого ученого, не удовлетворившегося достигнутыми научными результатами, всегда искавшего новые теоретические пути.

Многочисленные ученики Боаса, питомцы Колумбийского университета, собственно и разработали теоретические принципы исторической школы, к которым автор рецензируемой монографии относит, в частности, релятивизм и диффузионизм. Они же ввели в этнографические исследования ряд новых методов, например запись автобиографий типичных представителей изучаемого племени и картографирование элементов культуры. Последнее было тесно связано с определением и исследованием культурных ареалов. Концепция же культурного ареала интенсивно разрабатывалась этнографами исторической школы, причем особое значение уделялось диффузии элементов культуры. Оспаривая подобные взгляды, Ю. П. Аверкиева подчеркивает самобытность — в пределах общих исторических закономерностей — творчества каждого народа, которая определяет характер его культурных заимствований. Новые археологические и этноисторические изыскания постепенно подрывали теорию культурных ареалов, которую стали критиковать сами сторонники исторической школы. Теперь, указывает автор, она в значительной степени дискредитирована.

Культурный релятивизм, составивший теоретическую основу исторической школы, трактуется в особой главе. Его развивали по-своему многие ученики Боаса, но главным его представителем являлся М. Херскович, взгляды которого подробно разбираются в этой главе. Упор на своеобразие и извечность каждой культуры привели его, например, к объяснению культуры и быта современных американских негров их африканскими традициями, что едва ли выдерживает критику.

Автор отмечает, что культурный релятивизм находился в 30-е годы в русле буржуазного либерализма. Отстаивая уникальность и самоценность культуры каждого народа, культурный релятивизм, казалось, был направлен против традиционного европоцентризма и расизма. Однако он же используется для обоснования шовинистических течений в развивающихся странах, например концепции негритууда. Более того, продолженный до крайности принцип согласия с любой системой ценностей может даже привести, что отмечалось рядом американских этнографов, к оправданию таких, беспорядочных, враждебных человечеству явлений, как фашизм.

К культурному релятивизму относится и этнопсихологическое направление, известное в США как изучение «культуры и личности». Оно развивалось под сильным воздействием фрейдизма, а позже неопрейдизма и было особенно influential в 40—50-е годы. Вихейвистская линия этнопсихологии смыкалась со структурно-функциональным направлением в американской социологии. Критикуя этнопсихологов, Ю. П. Аверкиева уделяет особое внимание разбору теории ценностей, причем отмечает, в частности, аморфный характер этой теории в американской этнографии.

Последняя глава этого раздела посвящена крупному ученому-этнографу А. Л. Креберу, изучавшему не только североамериканских индейцев, но и древние цивилизации Старого Света. Крупный (последний, по мнению автора) теоретик исторической школы, занимался и проблемами единства всемирной истории. В его творчестве Ю. П. Аверкиева видит переход к новому этапу развития американской этнографии — неозволюционизму, о котором идет речь в следующем разделе книги.

Раздел этот начинается главой о Л. Уайте, недавно умершем выдающемся американском ученом, выступавшем в защиту эволюционизма. Он явился одним из основате-

лей новой научной дисциплины — культурологии — науки о культуре, так как культура, по Уайту, — специфическая особенность человечества. Ее предметная область, по мнению Уайта, включает не только изучение современных наций и культур, но и предвидение будущего.

Давая материалистическое объяснение истории культуры, Л. Уайт сводил ее к развитию техники и энерговооруженности, но не включал в ее базис человека. За этот «технологический детерминизм» его справедливо критикует Ю. П. Аверкиева. Определяющим признаком человеческого рода Л. Уайт считал пользование символами, которое обуславливает поведение людей. Эта его теория оказала, отмечается в книге, немалое влияние на науку, и теперь появился даже термин «символическая этнография».

Возрождение эволюционизма в послевоенные годы, констатируется в книге, связано с влиянием Л. Уайта. В то же время автор справедливо ставит это возрождение в зависимость от особенностей социально-экономического развития мира и главным образом от перемен, происходящих в развивающихся странах, народы которых являлись традиционным объектом этнографического изучения. Эти сдвиги вызвали большой интерес к так называемым культурным изменениям (куда входят урбанизация, модернизация и т. д.) и показали насущную необходимость исторического подхода в исследованиях.

Главным теоретиком этого нового эволюционизма, или неозэволюционизма, явился крупный этнограф Дж. Стюард, выдвинувший концепцию многолинейной эволюции. Стюард тяготеет к материалистическому объяснению культуры. Предложенное им понятие «культурный тип» близко, как указывает Ю. П. Аверкиева, к созданной советскими этнографами теории хозяйственно-культурных типов. Признает он также стадиальность развития, что сказалось во введенном им понятии уровня культуры. Разработанная Стюардом теория культурной экологии легла в основу экологической антропологии, влиятельного течения современной американской этнографии. Эта школа, как отмечает автор, развивалась также под воздействием теорий Л. Уайта и неофункционализма. Ее сторонники рассматривают общество как часть экосистемы.

Последние главы книги освещают теоретические искания американской этнографии в последнее двадцатилетие. Констатируя значительное влияние на нее марксизма, автор отмечает тягу к материализму и историзму среди ряда ученых и анализирует работы неомарксистов, последовательно критикуя их. Разбирает он также новейшие течения идеалистического толка, возникшие под влиянием структурной лингвистики и известные под названиями этнонауки, этносемантики и т. д.

Книга не свободна от недостатков, главным образом редакционного порядка. Немало стилистических шероховатостей, опечаток, встречаются ошибки. Так, «Боас, — говорится на стр. 70, — родился в 1858 г. в ...ФРГ» (которой тогда не было). Тейяр де Шарден превращен на стр. 238 в Тейлорда де Жардена. Но при всех этих и других погрешностях книга Ю. П. Аверкиевой вносит серьезный вклад в историю этнографической науки. В целом это основательный, ценный, полезный труд, дающий читателю представление о всем пути этнографической науки в США, подвергающий обстоятельному разбору работы ее виднейших представителей.

Ш. А. Богина

А. Н. Ипатов. Меннониты (Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности). М., 1978, 213 с.

В последние годы советская этнографическая литература пополнилась рядом работ, посвященных типологии этнических общностей. В них были исследованы вопросы об основных типах этносов, об этнических общностях различного таксономического ранга, наконец, о наличии групп, занимающих промежуточное положение между этносами и прочими видами социальных общностей людей. В частности, С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаровым и Я. В. Чесновым было отмечено существование этно-религиозных групп, в которых сочетаются черты как этнической группы, так и общности религиозной¹. Проблеме этноконфессиональных общностей было уделено некоторое внимание и в одной из работ автора данной рецензии². Тем не менее специальных исследований, посвященных сущности этноконфессиональных общностей, долго не появлялось. Мало выходило и работ, где бы рассматривались конкретные этноконфессиональные группы.

Лишь в 1977 и 1978 гг. вышли две книги советского религиоведа А. Н. Ипатова, в которых была исследована одна из интереснейших по истории своего формирования этноконфессиональных групп — меннониты³. Хотя обе эти книги близки по тематике,

¹ С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов. Проблемы этнического развития стран Зарубежной Азии. — «Вопросы истории», 1969, № 1, с. 98—99; С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. Метаэтнические общности. — «Расы и народы», в 6, М., 1976, с. 23—24.

² П. И. Пучков. Современная география религий. М., 1975, с. 177—178.

³ А. Н. Ипатов. Кто такие меннониты. Алма-Ата, 1977; его же. Меннониты. М., 1978.